

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДНИК

5

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

305

ГОСУДАРЬ

623

Наследник

*Посвящается
моей супруге Евангелине,
красивой, терпеливой и нежной
половинке моей души...*

Пролог

— Ну что же, неплохо. Я бы даже сказал — очень хорошо!

Врач еще раз посмотрел результаты анализов и сноровисто защелкал клавишами древней клавиатуры, внося в личное дело больного очередную запись.

«Последние десять лет я от вас, эскулапов, другого и не слышал. С тех самых пор, как обнаружили рак и вырезали половину желудка к чертям собачьим. Только и говорят, что все неплохо или даже вообще хорошо... А чувствую себя все хуже и хуже. Видимо, надо понимать так: вы неплохо приблизились к могиле, уважаемый пациент. Так держать!»

Черный юмор — это было одно из немногих удовольствий, доступных сидящему на приеме в онкологической клинике мужчине. Все остальные радости жизни в основном проходили по разряду «бывшие». Как и сам он. Бывший слесарь, токарь, да и вообще мастер на все руки. Даже металлург! Довелось как-то три года поработать в литейном цехе родного машиностроительного завода, пока в техникуме на заочном учился. Трижды бывший муж. Но самое главное — он ни единого раза не был счастливым отцом...

—Так. Вот это отдадите в нашей аптеке провизору, будет готово в следующий четверг. А вот это вы уж сами. Остальное как обычно. Всего хорошего.

Выйдя в коридор, основательно пропитанный специфическим запахом хлорки и прочих больничных запахов, пожилой мужчина посторонился, пропуская в кабинет следующего в очереди. Вдохнул и без особой спешки похромал по хорошо знакомому маршруту, отоваривать исписанные непонятной латынью рецепты. С некоторых пор (особенно после химиотерапии) лекарства прочно вошли в его жизнь, став неотъемлемой частью: два раза в день, рано утром и поздно вечером, он глотал

желтоватые горошины таблеток и очень радовался, что их только две. А не двадцать две, и за один раз.

Еще у него как-то незаметно появилась привычка постоянно молчать — все равно ведь разговаривать не с кем. Друзей-товарищей по жизни было достаточно, да вот только все они разбросаны по необъятным просторам бывшей империи Советов. Так, иногда письма приходят, да и то все реже и реже — увы, время не щадит никого. Вот и родители умерли, так и не дождавшись от единственного сына внуков. А жены?..

Проводив глазами тройку мальчишек, обогнавших его на тротуаре, Виктор непроизвольно вздохнул. М-да. Семейная жизнь у него как-то не сложилась. Нет, какое-то время все было хорошо, но стоило только женам узнать, что детей от него ждать не стоит... Дольше всех прожил с последней, третьей по счету. Целых пять лет. А ведь поначалу он только радовался, что предохраняться не надо!

«Потому что дурак был, мозгов не хватило. Сам не можешь, так возьми и усынови из детдома маленькую ляльку. Или даже две. Эх, раньше бы!»

За лекарствами пришлось постоять — впрочем, Виктор Николаевич все равно никуда не торопился. Выйдя на широкое крыльцо поликлиники, он первым делом уточнил, который нынче час, после чего все той же прихрамывающей походкой отправился к остановке, раздумывая по пути. Не о здоровье, как можно было бы ожидать, нет. О том, собрали ли ему в областной публичной библиотеке, где он уже давно стал постоянным завсегдатаем, заказанные книги. А также о том, получится ли у него хоть когда-нибудь приблизиться к разгадке небольшой, но такой важной для него тайны. Тайны своих снов...

Глава 1

Когда мужику в возрасте «сильно за полтинник», воспитанному в классических традициях научного атеизма, приходят навязчивые сны о том, что он — трехлетний мальчик, то остается два выхода. Или принять как факт, что собственная шизофрения цветет и крепнет прямо на глазах, после чего безотлагательно попроситься на постой в профильное медучреждение. Или никуда не обращаться и тихо надеяться, что все как-нибудь рассосется само собой. Ну, или с помощью народных сорокаградусных средств. Виктор выбрал второй вариант и довольно скоро выяснил, что водка абсолютно бесполезна. Как и вообще любые спиртосодержащие жидкости. Таблетки, от снотворного до успокаивающего, тоже. А вот фитотерапия, которую он попробовал совершенно случайно (вернее, просто от отчаяния), неожиданно помогла — сны хотя и не ушли совсем, но зато их содержание забывалось буквально сразу после пробуждения.

За следующие два года Виктор из пользователя-«чайника» превратился в настоящего эксперта по лекарственным травам, грибам-ягодам и прочим полезным (и не очень) дарам природы, а также самым экзотическим смесям на их основе — и все это благодаря здоровому восьмичасовому сну. Вернее, непрерывным попыткам сделать его таковым.

Побочным и очень приятным эффектом невольного хобби стал отказ от половины лекарств, положенных ему по его многочисленным болячкам. И ведь не сказать, что он так уж резко оздоровел — нет, конечно. Просто (как удалось выяснить опытно-экспериментальным путем) правильно составленный и заваренный сбор взаимодополняющих друг друга трав достаточно уверенно заменяет патентованную химию из аптеки. С приятными побочными эффектами вроде повышенной бодрости и хорошего самочувствия.

К очень большому сожалению мастера-самоучки, остановиться на достигнутом и наслаждаться заслуженным успехом никак не получалось — месяца два-три, самое большее четыре, и очередной настой, экстракт или отвар приедался. После чего сны опять становились...

Н-да. Сны. Удивительнейшие, каждый раз в чем-то одинаковые и в то же время неуволимо-разные, пугающие своей реалистичностью и сочными красками. А особенно послевкусием в виде непонятно откуда приходящих желаний и даже (как это ни удивительно!) умений. В качестве самого заметного примера таких желаний можно было привести немотивированно сильный интерес к конному спорту, а заодно и фехтованию. Причем (как это ни странно) только и исключительно саблей. Иногда тело просто-таки требовало взять в руки хорошо отточенную железяку и всласть ею помахать — с тонким свистом пластаемого воздуха, резкими движениями и с обязательной сладкой истомой в натруженных мышцах.

С умениями было еще занятнее. Так, второе место самых заметных странностей прочно занимала невероятная, просто фанатичная тяга к посещению церкви — причем не раз в месяц или даже в неделю. Нет, каждый день, причем желательно и утром, и вечером! Затем как-то совсем неожиданно выяснилось, что некоторые молитвы у него, как говорится, просто от зубов отскакивают. Правда, крест налагается почему-то исключительно двуперстием. А прорезавшееся в один прекрасный день знание церковнославянского? И ладно бы просто знание — нет, он на нем (пусть весьма коряво и с заметным усилием) читал и писал! После всего этого совсем не удивляла появившаяся вдруг привычка цитировать вслух отрывки из такой очень специфичной литературы, как «Чтение о житие и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба». Разумеется, исключительно на старославянском. Отчего все, кто это слышал, сразу начинали интересоваться, какую семинарию батюшка закончил и почему же он одет не по-уставному? Да и без бороды? Да и крест свой зачем-то запрятал — отринули от сана, что ли?

Ну а третьей странностью, вовсе уж непонятной, было то, что изредка ему виделось странное свечение вокруг собственных рук. Накатывало легкое тепло, приятно покалывало кожу... Впрочем, были во всем этом и исключительно хорошие моменты. Иногда в голове проявлялись обрывки эмоций — невероятно, невозможно чистых и ярких. Таких, о которых сам он давно уже позабыл, омывающих его огрубевшую и порядком зачерствевшую душу потоком живительной влаги. Смех и обида, любопытство и настороженность, ликующая радость и подлинное горе... Соседи иногда косились — степенный вроде мужчина, а ходит весь день

и улыбается, прямо как полоумный. Ну или посреди разговора внезапно возьмет и нахмурится, чуть ли не заплачет.

— Передаем за проезд!

Хрипящий баритон вырвал Виктора из его мыслей и заставил вскинуть голову. И тут же констатировать, что он в очередной раз незаметно для самого себя добрался до остановки. После чего, не останавливаясь, чуть было не залез в троллейбус, идущий в обратном направлении от Публичной библиотеки. Впрочем?.. Ему подходил и этот маршрут, так как «своим» он стал не только в областном собрании книг, но и в краеведческом (иного, увы, в городе не было) музее, попутно обзаведясь полезными знакомствами среди ученых-историков. Да и сам уже стал разбираться в реалиях и бытовых мелочах четырнадцатого-семнадцатого веков на весьма хорошем уровне — спасибо собственной шизофрении. Правда, попутно пришлось перелопатить и, даже не желая того, запомнить просто море ненужной информации... С другой стороны, а чем еще заниматься пенсионеру? Все лучше, чем целыми днями глядеть в телевизор. Тем более что разбираться в свершениях и делах давно минувших дней оказалось очень занятно, а личный интерес и вовсе делал каждый прожитый день чертовски увлекательным!

«Ну что, в библиотеку или в музей?»

Легкое ворчание в животе заставило вспомнить, что кружка кефира и сдобная булочка утром никак не заменят хорошего обеда днем. И уж тем более вечером, но до таких крайностей Виктор еще никогда не доходил.

Мысленно сосчитав наличность, он все же сделал свой выбор: музей! Конечно, рядом с библиотекой тоже было где перекусить, но в его возрасте рисковать остатками здоровья не хотелось.

«Эх, были времена студенческие! Какую только дрянь ни жрал, просто господи, и ни разу кишки не болели. Золотые годы!..»

Желудок опять напомнил о себе раздраженным ворчанием.

«Да иду я уже, иду!»

Пять лет спустя...

— Николаич, ты дома? А? Да вы проходите, чего стоять-то на пороге.

Услышав не по годам звонкий (и при этом отменно визгливый) голос соседки, Виктор едва слышно вздохнул. А различив чьи-то шаги, и вовсе отложил в сторонку одну из своих любимых книг. Зачитанную даже не до дыр — до полнейшей потери родного переплета. Впрочем, хуже от этого небольшой труд одного хитроумного итальянца по име-

ни Никколо не стал. Пожалуй, вполне можно было сказать, что новая обертка получилась даже лучше прежней, типографской — самодельная, из толстой кожи и с потертыми латунными уголками, она придавала невзрачной до того книжке вид настоящей рукописи. И не просто настоящей, а еще и довольно-таки часто читаемой, хотя далеко не все идеи Макиавелли были верными, но все же кое-какое рациональное зерно в них имелось. И именно это заставляло своего читателя раз за разом возвращаться к потрепанным страницам и думать. А еще вспоминать. Все то, чему он был свидетелем в последние двадцать лет: перестройка, путч, ускоренная демократизация... Все же верно говорят о том, что все новое — это всего лишь хорошо забытое старое.

— Вот ты где, Николаич! А к тебе тут человек из города.

Плечистый, подтянутый, но при этом как-то странно скособоченный мужчина неопределенно кашлянул и вопросительно уставился на хозяина. Который почему-то был совсем не похож на деревенского знахаря-костоправа — скорее уж на какого-нибудь профессора ну или библиотекаря. Кстати, последнее косвенно подтверждалось и подлинным изобилием печатных изданий, полки с коими покрывали почти все стены немаленького дома.

— Имя у человека есть?

Под тяжелым взглядом пожилого «библиотекаря» приезжий непроизвольно вытянулся (вернее, попытался это сделать) и глухо представился:

— Георгий.

— Возделывающий землю, значит?.. В каком звании?

Мужчина странно дернул головой и с нотками изумления ответил:

— Капитан.

Виктор подошел поближе и как-то странно повел рукой, на мгновение расфокусировав взгляд. Еще раз оглядел просителя (а кем еще он мог быть?) и задумчиво пробормотал:

— Спина?

Коротко глянул на пышущую здоровьем и неуёмным любопытством соседку, затем опять разомкнул губы:

— Иди, Лида.

Недовольно поджав тонкие губы, главная активистка и общественница деревни резко развернулась и поплыла на выход, всем своим видом показывая — как не было, так и нету на свете людской благодарности. Нет, Лидия Ильинична запросто могла бы и поскандальить насчет того, что ее так бесцеремонно выставляют за порог, но именно в этом доме делать сие было весьма и весьма чревато. Ближайшая больница в пяти-

десяти километрах, и до нее еще и доехать надо, а Николаич всегда под рукой. Отварчику даст, рукой поводит — болячки как не бывало! А если сам сделать ничего не может, так говорит об этом честно и к врачу направляет, причем его предварительный диагноз, сделанный без всяких там рентгенов и анализов, всегда подтверждался. Вот только последние пару месяцев он все чего-то не в духе... Нет, вообще-то и до этого мог так глазищами своими зыркнуть, что любой на месте обмирал, но теперь его взгляд и вовсе стало невозможно выдержать. Как еще молоко по деревне не скисает?..

Услышав тоненький скрип разохшейся калитки, травник (по крайней мере, сам он предпочитал называть себя именно так) неслышно вздохнул и сел напротив нежданного гостя:

— Давно болит?

Капитан как-то рвано кашлянул, но ответил все же предельно спокойно:

— Два года.

— Встань. Повернись. Подними правую руку. Вот здесь и здесь у тебя немеет и перехватывает. Верно? Садись.

Стряхнув руки, словно бы они побывали в воде, хозяин дома спокойно поинтересовался:

— А что говорит наша бесплатная медицина?

Медицина, как это ни удивительно, говорила исключительно матом. И капитан, в меру своих скромных сил и возможностей, постарался это доказать.

— Меньше экспрессии, молодой человек, меньше. Карточку не догадались с собой прихватить? Вот и славно. Так, что у нас здесь?

Видя, как обычный деревенский знахарь бегло читает мертвую латынь, написанную к тому же на редкость неразборчивым «врачебным» почерком, Георгий не выдержал.

— Прости... те. Кха! Скажи, отец. — В глазах военного мелькнул едва заметный отблеск надежды. — Мне можно помочь? — И по-своему истолковав тягучее молчание, спокойно добавил: — Любую цену.

Виктор Николаевич мельком поглядел на гостя незваного и вернулся к пролистыванию весьма пухлой медицинской карточки, а капитану-мотострелку ничего не оставалось, кроме как терпеливо ожидать окончательного вердикта. Пять минут, десять...

Чтобы хоть как-то отвлечься от тоскливой тишины, Георгий заскользил взглядом по книжным богатствам хозяина, все больше и больше удивляясь сельскому «экстрасенсу»: на слегка потемневших от времени полках спокойно соседствовали «Фауст» философа Гете и «Наука

побеждать» генералиссимуса Суворова; самоучитель санскрита лежал на «Истории государства Российского»; краснел затертой обложкой «Большой анатомический атлас», оттеняя своим видом невзрачное, но не менее толстое издание «Месторождения Южного Урала». Коя, в свою очередь, совсем загородила собой «Занимательную химию» и еще какое-то пособие из разряда «сделай-ка, милок, все сам!».

С трудом оторвавшись от разглядывания всей этой пестрой книжной палитры, мужчина повернул голову обратно и замер, наткнувшись на небольшой столик, на котором вальяжно возлежал дорогуший даже на вид ноутбук. Задумчиво помаргивал огоньками радиомодем, рядом с ним высилась немалая стопка дисков... Вот тебе и деревенский дедушка-пенсионер!

— Возьми. Сиди спокойно.

Приняв обратно толстую историю своих болезней, проситель (а в этом уже никто и не сомневался) послушно замер. Но глазами ему шевелить не запрещали и уж тем более не могли запретить смотреть в небольшое зеркало, висящее как раз напротив — и он глядел, как хозяин опять водит по воздуху рукой. Не быстро и не медленно, вдоль спины, иногда останавливая ладонь в районе лопаток и поясницы. Наконец, непонятное действо закончилось, и деревенский знахарь вынес вердикт, вот только сделал он это на чистейшей латыни.

— А?

Переход на русский тоже не помог. Нет, по отдельности слова звучали вроде бы и знакомо, но вместе складывались в такую тарабарщину!

— Отец, я ж человек военный, мозгами не обремененный, мне бы попроще. А?..

— Ходить тебе на ногах от силы год, потом коляска понадобится. Так понятней?

Удар судьбы капитан принял достойно, разве что уголок рта покривил.

— Поможешь?

Но вредный дед опять проигнорировал вопрос, вместо ответа задав свой:

— Женат?

— Уже нет.

Повинуясь требовательному взгляду, Георгий добавил подробностей:

— Еще семь лет назад разбежались.

— Дети?

— Нету. Отец, не крути, скажи как есть!.. Можешь помочь или нет!